

О ЯЗЫКЕ УБЫХОВ

А. Н. ГЕНКО

*(Представлено академиком В. В. Бартольдом в заседании Отделения Гуманитарных Наук
26 ноября 1927 года)*

Как известно, продолжительная, в течении десятилетий длившаяся военная борьба русских с горцами северо-западного Кавказа закончилась в 1864 г. разгромом и последовавшей эмиграцией значительного числа горцев в Турцию. В отличие от остальных частей Кавказа, сохранивших, невзирая на все испытания, выпадавшие на долю населявших их народов, в общем картину расселения и этнических соотношений прежнего, предшествовавшего покорению, времени, северо-западный Кавказ изменил в течение нескольких лет эмиграции и последовавшей за ней иммиграции разноплеменных колонистов до совершенной неузнаваемости свой этнический облик. Черкесы, убыхи и абхазцы, те три самостоятельных величины, которые ряд путешествий и исследований, по необходимости крайне поверхностных, научили различать в этом районе, оказались после выселения или совсем не представлены в числе народностей Кавказа или же сохранили немногие обломки некогда многочисленных и богатых поселений, в большинстве сдвинутых и безжалостно, по мнимо-военным соображениям, перетасованных заново на плоскостной части Кавказа. Тяжелая сама по себе научная утрата становится, при ближайшем рассмотрении дела, вдвойне тяжелой потому, что при условии большей сохранности старых взаимоотношений этот именно район Кавказа давал наилучшие возможности в смысле прослеживания культурно-исторической эволюции народов Кавказа, разработки их этнографии и лингвистики. Не говорю уже об исторической географии и топонимике: здесь мы имеем обильнейший и по условиям приобретения первоклассный материал в наших источниках. Письменная традиция, идущая от эпохи ионийской колонизации Черноморья, за несколько веков до нашей эры, сохраняет на всем своем протяжении достаточную полноту и надеж-

ность, далеко превосходя в этом отношении многое из того, что нам известно о внутренних, более удаленных частях Кавказа; сравнение с западным побережьем Каспийского моря чрезвычайно ярко иллюстрирует эту неоднородность. Даже поверхностное ознакомление с этой традицией вскрывает тотчас же другое обстоятельство, заставляющее нас сейчас сожалеть об утрате, понесенной наукой: это необычайная стойкость бытовых отношений в интересующем нас районе. Если мы сравним для примера, как это уже делалось не раз, описание, сохраненное Страбоном, деятельности пиратов на Черноморском побережье в первом веке до нашей эры, их лодок, способов плавания и пр. с тем, что нам сообщается в описаниях половины XIX века (ср. например замечания Duvois, *Voyage autour du Caucase*, t. I, (1839), p. 191 sq.), мы вынуждены будем констатировать возможность включить без нарушения исторической перспективы описание Страбона в число сведений XIX века и обратно. При этом не пришлось бы даже менять номенклатуры: термин «камара», служивший древним керкетам и гениохам для означения их военных лодок, сохранялся, судя по некоторым указаниям в литературе, до новейших времен. Если с другой стороны мы сопоставим данные VI века (у Прокопия) о культе деревьев, характеризовавшем в эпоху внедрения там византийскими миссионерами христианства население кавказского побережья Черного моря, с тем, что нам дают те же сведения XIX (и даже XX) века, мы получим вновь картину любопытной стойкости до- и ранне-исторических переживаний в быту этих народов. Можем ли мы по аналогии предполагать аналогичный архаизм бытовых явлений, наблюдаемых нами на Кавказе вообще? Как бы то ни было, сохраняют свою справедливость слова, сказанные давно Потоцким в его работе о древних периплах Черного моря: «Nous ne pourrions donc encore rien décider sur l'origine des Abkhases, mais nous ne devons pas en desespérer puisque ce peuple a conservé sa langue, et qu'une langue est le plus pretieux de tous les monumens historiques, lors qu'il s'agit de la recherche des origines» (см. Comte Jean Potoski, *Mémoire sur un nouveau peryple du Pont Euxin etc.* A Vienne, 1796, p. 25). И в тех случаях, когда имеющиеся в нашем распоряжении источники дают картину противоречивую и неясную, пользование фактами языков позволяет нам разрешить не один иными способами не разрешимый вопрос. Примером может послужить разбор сведений, касающихся народности убыхов, полное исчезновение которой на Кавказе заставляло уже не раз поднимать вопрос о судьбе многих других народов Кавказа, известных нам только по имени, но не по существу. Наша литературная традиция, касающаяся Черноморского побережья Кавказа, дает нам

чрезвычайное разнообразие племенных названий, согласовать которые и, что важнее, выяснить их взаимоотношения с этнической номенклатурой, существовавшей в первую половину XIX в., представляет подчас непреодолимые затруднения. Значительная часть противоречий проистекает разумеется от условий получения сведений доступными нам осведомителями. Не говоря уже о тех, кто не был на месте, большинство побывавших в тех краях ограничивалось побережьем, не проникая вглубь. В то время, как академические экспедиции конца XVIII — начала XIX веков (GMELIN, GÜLDENSTÄDT, PALLAS, КЛАПРОТН, SJOEGREN, позднее BROSSET) хорошо ознакомились на месте с северным Кавказом и Закавказьем, оба побережья (Дагестанское и абхазо-черкесское) оставались, по условиям чисто топографическим, или поверхностно (как Каспийское) или совсем (как интересующее нас Черноморское) не изученными.

Говоря об убыхах, первое упоминание этого народа, находимое нами в литературе, включает, по нашему мнению, в VI в. нашей эры сочинение Проккопия: *ιστορικὸν ἐν βιβλίοις δκτώ* (именно BELL. Goth. VIII, 4, p. 500 11—19). DIETERICH в *Byzantinische Quellen zur Länder- und Völkerkunde* (Leipzig, 1912) переводит это место: «Hinter dem Gebiete der Abasgen nach dem Kaukasus zu wohnen die Bruchier, die zwischen den Abasgen und Alanen sitzen» и прибавляет «Die Bruchier werden sonst nirgends erwähnt» (I. c., p. 132). Более положительно свидетельство Евлия-Челеби от 1641 г. Здесь оно передано арабскими буквами в виде *واى پيغا*, т. е. Waipigha, как транскрибирует НАММЕР (*Narrative of Travels in Europe, Asia and Africa etc. by EVLIYA EFENDI*, t. II (London, 1850), p. 57) и толкует в смысле убыхов Брун в статье «Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря» (*Записки Одесск. Общ. Истории и Древностей*, т. IX. Турецкий оригинал см. Константинопольское изд. 1314 г. *اوليا چلبى*), т. II, стр. 109). В научный обиход имя убыхов попадает со времени Гюльденштедта и второй поездки Палласа в 1793—1794 (см. *Bemerkungen aus einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches etc. I* (Leipzig, 1799), p. 368 и 397). Здесь Паллас причисляет их к абазам, наряду с племенем Туби (ныне так называется урочище в верховьях реки Пшехи, легендарная колыбель абадзехов), к югу от которого они жили, что совершенно согласуется с позднейшими сведениями. У Гюльденштедта, сведения которого на 20 лет старше, та же связь Туби и Убыхов (Tubi, Ubuch), лишь более неопределенно выраженная (см. *Güldenstädt's Beschreibung der Kaukasischen Länder*, hsgb. von J. КЛАПРОТН, Berlin, 1834, стр. 133). Потоцкий, совершивший в 1797 г. поездку на Северный Кавказ,

первый указывает на отличие убыхов от черкес и абхазов: «les obykyhy à l'est des Balkar (sic!) sont un peuple différent des Tcherkesses et des Abazes; ils sont. . . païens» (это ценное, несмотря на крупный лапсус, указание получено Потоцким от князя Магомед Гирея Бековича 25 октября 1797 г.; см. *Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase etc. par le comte Jean Potocki, t. I (Paris, 1829), p. 122* и ср. замечание издателя Кларвотн'а *ibid.*). Замечание Потоцкого оставалось к сожалению неопубликованным свыше 30 лет и не имело потому влияния на позднейших авторов. Кларрот, подводящий в описании своего путешествия, совершенного в 1807—1809 гг., итоги предшествующим работам исследованию Кавказа, так же как и вышецитованные авторы не был на восточном берегу Черного моря и не дает ничего нового (ср. его *Reise in den Kaukasus und nach Georgien etc., Erster Band, Halle-Berlin, 1812, p. 463*). Предпосылкой более углубленного изучения северо-западного Кавказа послужили военные действия русских в первые десятилетия XIX века. Интересы военно-политические облегчили замечательное предприятие генуезца Скасси (о нем *Duvois de Montréveux, Voyage autour du Caucase, t. I (Paris, 1839), p. 98—102*), что дало возможность целому ряду лиц, в их числе *Taitbout de Marigny*, опубликовавшему два ценных сочинения о Черноморском побережье Кавказа, и двум лицам русской службы, Таушу и Люлье, побывать в разных, доселе совершенно недоступных уголках Черкесии. Таушу обязан многими сведениями *Duvois*, Люлье известен рядом превосходных работ (в *Записках Кавказск. Отдела Географического Общества*; отдельно, *Словарь русско-черкесский*), кроме того, если верить сплетням, передаваемым Г. И. Филипсоном в его «Воспоминаниях» (см. *Русский Архив* за 1883 г., кн. 5, стр. 192), Тауш и Люлье были действительными авторами записок поручика Новицкого, первого русского офицера, проникшего в глубь гор северо-западного Кавказа в 1830 г. Обращаясь к этой существенно новой литературе, уместно начать с Люлье. В статье «Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми черкесами (Адиге), абхазцами (азега) и другими смежными с ними» (*Записки Кавказск. Отд. Русск. Географ. О-ва, кн. IV (Тифлис, 1857) стр. 173 сл.*) об убыхах читаем: «Между землями, населенными с одной стороны натухажцами, а с другой джигетами, находится отдельное племя Убыхи. Из них прибрежных Черкесы называют Абадзе; живущих же на верховьях речек к хребту — убыхами. Жилища их расположены на следующих речках в долинах, примыкающих к морю: а) Зюебзе. . . . г) Саше или Сочи і) Хамишь или Хоста» (г и і составляют урочище Саше) (*ук. соч., стр. 182*). В чем же, однако, основание их отдель-

ности? В этом вопросе Люлье стоит на единственно правильной точке зрения, полагая таковую в языке. Однако, говоря об языке, этот лучший наш осведомитель обнаруживает характерное колебание: во введении к своей более ранней работе, «Русско-черкесскому словарю», он относил убыхов к черкесам (см. его рукопись, хранящуюся в Азиатском Музее Академии Наук) и лишь после возражений, высказанных ему Шегреном, изменил свою первоначальную классификацию (см. Rapport sur un ouvrage manuscrit intitulé: Словарь Русско-Черкесский etc. Par M. SJOEGREN в Bulletin d. l. cl. d. sc. hist., phil. et. polit. de l'Académie imp. des sciences de St.-Pétersbourg, tome IV, col. 166 и 173, от 4 V 1847). Дело разъясняется сказанным в примечании на стр. V предисловия печатного издания его словаря (Одесса, 1846): «сей последний народ (т. е. убыхи) имеет свой особенный язык, не сходный ни с языком Адыге, ни с Абхазским. Это ныне язык черни, употребляемый преимущественно между простолюдинами, живущими в горных ущельях и у берега моря. Это наречие выходит из употребления и современем исчезнет. Дворяне убыхские все говорят адыгским языком, но многие из них и простолюдинов, в этом крае, находясь по топографическому положению своему в соседстве к югу с абхазцами, говорят также свободно и на языке своих соседей» (ср. упомянутую выше статью: Общий взгляд и т. д., стр. 191). Эта разноязычность убыхов служила нескончаемым источником недоразумений в отнесении их к той или иной народности. Новицкий, в статье «Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адыге» (Тифлисские ведомости за 1829 г. № 22), считает убыхов черкесами, границей черкесов и абхазов полагает реку Зуебзе и указывает происхождение названия убых от урочища Убых. Далее (ук. газ. № 23) убыхи, наряду с племенем гуаие (или ваие, вероятно древние ахейцы греков, о них Люлье, ук. ст., стр. 185) специально причисляются к натухайцам. Термин абаза выражает не этнич. понятие, а презрение (ср. с этим интересные замечания Альбова в Зап. Кавк. Отдела Географ. О-ва за 1894 г., т. XVI, стр. 137—142. Здесь в связи с племенем хакучинцев (по Альбову подразделение шапсугов) указывается, что убыхи говорили по черкесски (адыге) и на особом языке «абзабзы», что Альбов толкует неверно в смысле абхазского языка. Отмечу, что хакучинцев причисляли к убыхам, напр. тот же Новицкий в другой записке от 15 IX 1830 г., изданной Фелициным в Кубанских Областн. Ведомостях за 1884 г. № 34 сл. Ср. военно-историческую карту северо-западного Кавказа, изд. Фелициным в 1898 г.). Отнесению убых к черкесам противостоит еще более частое причисление их к абхазцам (ср. выше). Однако, в последнем случае, как можно думать,

играло роль не только многоязычие убыхов, говоривших и по абхазски, а главным образом растяжимость термина абаза (в его черкесском словоупотреблении) и совпадение (очевидно не случайное) этого термина *социального* значения с этническим названием, присвоенным абхазцам и их сородичам абазицам. Отсюда проистекает то положение, которое характеризуется автором сводной работы об «абазах» VIVIEN DE SAINT MARTIN'ом (Les Abazes de la côte circassienne, aperçu ethnographique et historique в Nouvelles Annales des Voyages, t. 142 (1854), p. 1—30) в следующих выражениях: «les Abazes de la côte sont partagés en un certain nombre de tribus. Mais les différents auteurs qui ont réuni de renseignements sur ce sujet ne sont nullement d'accord ni quant au nombre, ni quant aux noms de ces tribus» (I. с., p. 18). О социальной значимости термина абаза у черкесов свидетельствует в числе других авторов Люлье в статье, уже упомянутой выше: «кабардинцы и другие адигские племена, сохранившие *феодалное управление*, называют Абадзехов, Шапсугов и Натухажцев общим именем Абадзечиль, что значит: «абазинские народы» (стр. 183). «Бзедугов, Мохошевцев и Жанеевцев называют иногда Абадзе. Я старался узнать причину такого различия, но не мог получить удовлетворительного объяснения» (стр. 185; собственное объяснение Люлье сомнительно). Неотчетливость сведений, касающихся убыхов, отразилась рельефно и на тщательной работе Берже: «Краткий обзор горских племен на Кавказе» (Кавказский календарь на 1858 г., Тифлис). Считая с одной стороны землю черкес до р. Бзыби (стр. 280), он включает, с другой стороны, согласно господствующему мнению, джигетов, расположенных от Бзыби до р. Хоста, в число абхазских племен (стр. 274). Джигеты, попавшие т. обр. в число черкесов, тесно связаны с убыхами географически и культурно-политически. Абхазцы объединяют и тех и других под одним названием: по словам Люлье (I. с., стр. 180, примечание 2) «абхазцы называют соседей своих джигетов и даже Убыхов Садзен, сохраняя им и их название». По словам Торнау (сведения 1835 г.; см. Воспоминания Кавказского офицера 1835 г., часть I, (Москва, 1864), стр. 69) «абхазцы не имели никакой связи с Шапсугами; сношения их с приморскими Джекетами были совершенно ничтожны», тогда как (I. с., стр. 50 второй части) «Облагу (князь из племени Саша на р. Сочи — убыхи по ряду свидетельств) был от Бзыба до Шахе самый значительный владéлец». Черкесами считает джикетов вместе с убыхами автор анонимной статьи в Тифлиских Ведомостях за 1831 г. №№ 27—29 (стр. 219). Джигетов, «иначе Садзжуа» считает отличным от абхазцев племенем проф. Нордман, давший нам тщательный статистический обзор обществ и аулов от

Гагр до Сочи (Журнал Министерства Народного Просвещения, т. XX (1838), стр. 412—415). Об особом джигетском языке говорит в общем превосходно осведомленный критик Дубровина (см. Сборник сведений о Кавказских горах, вып. VI (Тифлис, 1872), статья Абхазцы (Азегга), стр. 14). Анонимный автор интереснейшей записки: «Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-Псты до вновь возведенного на Туапсе укрепления» (напис. ок. 1840 г., издана Фелицыным в Куб. Обл. Ведомостях, 1884 г. № 50 и 1885 г. № 1) утверждает даже, что место жительства знаменитого убыха Хаджи Берзека, убыхский аул Мутыхуасуа, на правом берегу Сочи-Псты, в двух час. от берега, принадлежал прежде джигетам и отнят лет 40 назад (след. около 1800 г.). Он же сообщает, что береговая полоса от Сочи до Туапсе «занята несколькими независимыми обществами как племени Асадзуа или Сочи (по абхазски Джигеты), распространившимися из-за реки того же имени до округа Хизе, так и черкес, говорящих одним языком с убыхами, шапсугами и др. горами западной части Кавказского хребта, языком совершенно отличным от Джигетского, который в употреблении до реки Бзыби». Duvois трактует убыхов (I. с., стр. 199—200), Саше (стр. 201—202) и джигетских, по большинству авторов, Ардона (стр. 203—204) всех вместе как черкесов, считая Абхазию с Гагр и Бзыби (стр. 206 сл.). Автор статьи: «Горские племена, живущие за Кубанью», (Кавказ, 1850 г. №№ 94—98) отмечает, что общество Саше «представляет смесь 3-х сопредельных племен: абхазского, убыхского и черкесского» (I. с., № 94). «Убыхи, хотя по своему происхождению и не принадлежат к Черкесскому племени, но слившись со своими соседями, язык которых предпочитают собственному, могут также быть причислены к *Абадзы* (т. е. как Шапсуги и Абадзехи). Это название присвоили им турки вообще с другими горами. Черкесы Адыге имеют родовых князей и для отличия себя от прочих горцев, всех остальных называют Абадзы как не признающих над собой княжеской власти» (I. с., № 95). В заключение по необходимости краткой характеристики хаоса, господствующего в литературе касательно убыхов и джигетов, следует упомянуть о сведениях, сообщаемых Велл'ем, прожившем среди черкес Черноморья два с половиной года (1837, 1838 и 1839 г.). Велл устанавливает наличие на всем западном побережье Кавказа, от Анапы до границ Мингрелии, трех различных языков: *adighé*, *abaza*, *azra* (см. *Journal d'une résidence en Circassie etc. par J. S. WELLS, . . . traduit de l'anglais par L. Vivien, (Paris, 1841) t. I p. 365—369 и t. II, p. 35—37*), причем границы определяются им различно: t. I, 369 в примечании сказано: «les trois races qui viennent d'être

mentionnées sont maintenant en partie mêlées ensemble... Il semble néanmoins qu'on puisse déterminer ainsi qu'il suit leurs premiers territoires: les Azras, de la frontière mingrélienne au Hamisch; les Abazas, du Hamisch au Leûp ou Vardan, et les Adighès de cette dernière rivière au Kûban», а в т. II, р. 35—36 читаем: «le long de la côte les habitants comptent trois langues distinctes: l'adighé, qui s'étend au sud jusqu'à la petite rivière de Bû, limite méridionale du Notouhatch; l'abaza, entre la Bû et la Hamisch; et l'azra, depuis la Hamisch en allant au sud jusqu'à la frontière de la Mingrèlie». Это различие сбывало не раз исследователей (ср. например, G. ROSEN, *Ossetische Sprachlehre nebst einer Abhandlung über das Mingrelische, Suanische und Abchasische*, Lemgo und Detmold, 1846, стр. 71 примечание; Услар, *О языке убыхов* (Этнография Кавказа. Абхазск. язык (Тифлис, 1887, приложение), стр. 77—79 и др.). Услар правильно разъясняет azra из адзыге (убыхское название абхазцев) (ук. соч., стр. 75), слова одного происхождения с черкесским азегга (Люлье. Ср. еще любопытный термин: «азеггазский язык», употребляемый Новицким в его записке 1830 г., К. О. Вед. 1884 г. № 38, по отношению к «Малой Абазии», т. е. абазинам). Что касается абаза, то здесь имеются ввиду, как видно и по карте, приложенной к книге Белля, преимущественно приморские общества убыхов, Вардане и Саше, в отличие от собств. убыхов, говоривших преимущественно по черкесски и живших в горах (ср. выше абзабзы Альбова). Бель подчеркивает, что со времени усиления внешнего воздействия различные племена соединились: «elles (i. e. les deux races, l'abaza et l'azra) ne forment plus maintenant qu'une seule communauté s'étendant depuis Gaghra jusqu'à Toapse... les anciennes lignes de démarcation de la Bû et de la Hamisch sont entièrement effacées; car jusqu'à Gaghra tous ont adopté le nom d'Adighé, et se rangent maintenant sous cette grande appellation nationale (l. c., t. II, р. 36—37). Политическое влияние на джигетов, конечно, колебалось в различные времена (так например, пользуясь словами Н. Н. Раевского в «Описании восточного берега Черного моря», изданном Фелициным, «прежде все пространство от р. Хамыш (в 6 морских милях от Сочи) до границы Мингрелии принадлежало князьям Шервашидзе»), однако та пестрота номенклатуры, которую отмечает для окрестностей Гагр Дьячков-Тарасов,¹ более глубокого значения, чем политические влияния.

¹ Записки Кавк. Отд. Географ. О-ва, кн. XXIV, вып. I. (Тифлис, 1903) стр. 78: «в описываемой местности встречаются двойные географические имена: например, Сандриш — абхазского происхождения (черк. Хошупсе), р. Юишара (Лашипсе), Ахахча (Микелгуадз), Кыцырха (Цендышка)».

Если принять во внимание интересный параллелизм названий асадзуа (абх.) = садзен (нац. джигетский? ср. слова Люлье в предисловии к словарю, стр. V), ардба (абх.) = ардлер (тур.) = ардона (нац. джигетск.), станет вероятной первоначальная принадлежность джигетов = садзен к убыхам, с последующей сильной абхазизацией (окончание *n* гсп. *na* — показатель множ. числа в убыхском, Услар, ук. соч., стр. 85 сл.). Свое разрешение джигетский вопрос получает в том лингвистическом материале, который сообщается в XVII в. Евлия Челеби (см. выше): его словарь языка Садаша (транскрипция Наммер-Бруна, правильное чтение *Садша*, тур. *صرشه*; к чередованию *s* || *ш*, ср. *Чанда* (Евлия) = поздн. *Цанда*, *Цандрини*, *Чвиджа* (Торнау) = *Цвиджа* (поздн. авторы) и т. д. и абхазо-черкесск. звуки типа ξ $\dot{\xi}$, $\dot{\xi}$; ср. еще *Садзжуа* у Нордмана, цит. выше) доказывает убыхское происхождение садзен-джигетов, служа вместе с тем древнейшим свидетельством убыхского языка, на 200 лет предшествующим записям Велл'я (Евлия-Челеби, ук. соч., стр. 110 турецк. ориг., стр. 58 перевода Наммер'а).

В 1641 году Евлия Челеби пришлось участвовать в походе турецких войск, направленных против донских казаков, незадолго до этого захвативших Азов. Путешествие совершалось вдоль по черноморскому берегу Кавказа от Гония (گونیه), расположенного около места впадения Чороха в Черное море к югу, вплоть до Анапы и далее, в сообществе с янычарами гонийского аги, некоего *زیزکی پاشی* (ук. соч., т. II, стр. 96; в переводе Наммер'а читается *Zenberekjí-báshí*, ук. соч., стр. 52). Плывя медленно в особого устройства «лезгинских» (гсп. лазских) лодках, Евлия имел возможность подробно ознакомиться со всеми племенами, жившими в ту эпоху на побережьи. От Фазиса (فایشه پاشی, т. е. Риона) до первого черкесского племени Жане он насчитывает 25 абхазских племен, из них 10 не на побережьи, а в горах, прилегающих к нему. Порядок прибрежных племен следующий (ср. ориг. стр. 102—110, перевод стр. 54—58): от Риона к северу — племя Чач (چاچلر), главное абазское племя (ср. Чачба = груз. Шервашидзе, абхазская княжеская фамилия; у них гавань *Lakia* гсп. *لاقبادرلر* = Сухум, абх. *ak̄a?*), затем следуют Арлан (آرلان) с гаванью *لاچига* (*Láchigha* Наммер), которое может быть следует читать *لاخينا* («Ляхина» т. е. Лыхны). Племя Арлан в настоящее время повидимому не оставило по себе никаких следов, за исключением какого-то темного намека на ближе неизвестные нам обстоятельства в абхазской скороговорке: *àrlanaa гап laltarra* = ольховая роща матери (семейства) Арланаа (см. собранные Д. О. Гулия «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки» в «Сборнике

матерьялов по описанию . . . Кавказа», том 38 (Тифлис, 1907), скороговорки, № 3; второе издание с дополнениями вышло в Сухуме в 1920; здесь она приводится на стр. 32. Намек на какие-то исторические события содержит и следующая за ней поговорка № 4, упоминающая реку Аспа). Интерпретация لاچига в смысле Лыхн (бывш. столица абхазского княжества) наталкивается на трудность: Лыхны не могли считаться гаванью, селение не расположено на берегу. Можно было бы предложить иное толкование приводимого турецким путешественником названия, именно в смысле = ləḏāa. Так называется по абхазски Пицунда; можно думать, что ləḏāa значит «разрушенный город», от глагола àḏāaga, ср. название Եճազք (Накалакеви, т. е. бывший город). За Арлан идут два племени: Чанда и великие Чанда (چاندرالر). Упоминание у первых гавани Какар'а (قافر) доказывает, что с ними мы попадаем в так называемую Джигетию, в район позднейшего Цандрипша. Затем упоминаются: Геч (گچیلر), Арт (آرتلر), Садша (صدشه), Хамыш (قامش; Хамыш гсп. Хоста позднейшего времени), Соча (سوجهلر), جبہ (Джембе? соответствует приблизительно — позднему обществу Бордане), Бозудук (بوزودوق; вероятно имеются ввиду черкесские бжедуги, относительно которых есть сведения, что они жили некогда на берегу Черного моря, в районе Туапсе: ср. Люлье, цит. статья, стр. 185. Очевидно, в середине XVII века они находились еще южнее, в районе поздн. общества Хизе), Осувеш (اوسوويش). Под ними разумеется население окрестностей Шахе. Ср. на карте у Люлье Шахе-Субеших), Ашегали (اشغیلی, ср. назв. реки Аше), Суук-су (صوق صو, ср. у Люлье реку Шуук, Шуюк пятиверстки?), и, наконец, Котасы (قوتاسی; ср. название мыса (гсп. мысов) Кодоп между Пшадой и Туапсе?). Котасы, по Евлия, последнее абхазское племя, следующие за ними Жане, в которых легко видеть жанеевцев, живших некогда на берегу моря до Пшады (Люлье, ук. ст., стр. 185), уже являются настоящими черкесами (ср. с этим перечнем другой, у того же автора, стр. 83 ориг. и стр. 43 перевода Наммер'а). Не останавливаясь на многочисленных интересных подробностях сведений Евлия Челеби, подвергавшихся уже не один раз переводу на русский язык и беглому рассмотрению (ср. цит. выше статьи Бруна, Дьячкова-Тарасова, Мачавариани «Путеводитель по Сухуму», изд. в 1913 г., стр. 242—244 и др.), приведу детали, касающиеся племени Садша (= Садзуа, Джигеты), интересные потому, что из двух списков слов и выражений, помещенных у Евлия вслед за описанием абазских племен, один относится к языку «странных и изумительных абазов» (можно думать, главного племени Чач), а другой — к языку Садша Абазов. «The bravest and best of them (i. e. the Abázas in the mountains) are the

Sadasha», читаем мы в переводе НАММЕР'а, II, стр. 58. Соответствующее место отсутствует в константинопольском издании (ср. стр. 109). Здесь Садша фигурируют в числе горных абазов наряду с Псху (Posúkhí в ориг. искажено в پوشرخى) Ахчипсоу (Akhchissí, лучше в ориг. اخ چيسى), Башильбай (? Besleb, بسلب), Микельрипш (общество Джигетов? مكليه, (Mukellebeh), Убыхами (Wajpigha, وای پیغا; может быть, это составное слово, waj = племени Гоайе гсп. Waja у ВЕЛЛ'я, pigha = национально-убыхское пёх ср. Услар, цит. ст., стр. 75), Багрипш (общество Джигетов? باغرس; у НАММЕР'а Jághras, что напоминает абазинское общество Шахгирей), Гагрпш (?Ala Koreish, الاقریش несомненная арабизация, т. е. искажение), Ясхрипш (общество джигетов? в текстах Chichakoges, خيما قورس), Медозюэ (гсп. медовой, абхазск. mdaуауаа? Mácha, ماجار), Баншерипш (джигетское селение? ср. Воспоминания Торнау, II, стр. 53. Páncáhresh, پانخارشر); среди названий племен появляются и некоторые из ныне северокавказских, абазинских. К сожалению, Евлия ЧЕЛЕБИ не дает более точных указаний, но есть иные основания думать, что относимое обычно к XVII столетию (ср. Басария, Абхазия etc., Сухум-Кале, 1923, стр. 48, на основании литературн. источников) переселение части абхазцев на северный склон Кавказа имело место значительно раньше. В другом месте Евлия обнаруживает совершенно фантастическое представление о течении Риона: в числе других земель, между которыми он будто-бы возникает, названы горы племени Садша (см. ориг. стр. 97, перевод НАММЕР'а, стр. 52). Основной, касающийся Садша текст гласит: «Область Садша — область Сиди Ахмед Паши. Вследствие торговых сношений с находящимся на северной стороне черкесским племенем, они (т. е. жители обл. Садша) прекрасно знают по черкесски и по абазски. Их семь тысяч храбрых и могучих богатырей. Их гнева и злобы постоянно остерегаются черкесы и абазы. Вследствие сохранения со стороны племени Арт мирных отношений, они привозят в гавань Артлар рабов и воск и торгуют. Торгуют также и такаку-черкесы, мирно приезжая на лодках» (ориг., стр. 104; ср. перевод НАММЕР'а, стр. 55). Положение области Садша определяется совершенно точно — они живут к северу от племени Арт (у нынешнего Адлера), не на берегу, а в горах. Следующим за ними в описании Евлия племенем оказываются Хамыш (у нынешней Хоста); верхнее течение рек Херота, Кудепста с ее притоками и может быть частично бассейны рек Мдзымта и Хоста — вот местоположение Садша в эпоху Евлия (ср. карту Люлье, где Садзен приходится как раз на указываемые места). Словарь языка Садша представлен в двух версиях, версии перевода НАММЕР'а и константинопольского

издания. У НАММЕРА (стр. 58) Specimen of the Sadashia Abáza заканчивается пометой etc., из чего можно заключить, что рукопись, с которой сделан перевод, содержала больше материала: действительно 30 словам и фразам у НАММЕРА противостоит 36 слов и фраз в турецком издании. И тот и другой текст сильно искажен вследствие тех особенностей арабского алфавита, которые делают затруднительной сколько-нибудь надежную рукописную традицию. Хорошей контрольной инстанцией служит Specimen of the Abaza language (ibid.): ср. *if* = آق = один, следует *akè* (Услар, Абхазский язык, стр. 98); *weba* = وبا = два, следует *wuBa*; *besna* = بشنا = четыре, следует *фшба* (т. е. پشبا); *fiba* = فبا = шесть, следует *fba* (т. е. فبا) и проч. Помимо того, что текст обоих изданий сильно искажен переписчиками рукописей сочинения Е. Челеби, интерпретация этого древнейшего памятника джигетского языка затруднялась до сих пор совершенной неудовлетворительностью сведений, бывших в нашем распоряжении об этом языке: в то время, как относительно абхазского языка, образец (древнейший) которого дается нам тем же автором, мы располагаем в настоящее время возможностью критической оценки, благодаря работам Услара, Марра и др. (причем оказывается, что записи Евлия весьма удовлетворительны), в отношении языка джигетов наши сведения равнялись бы нулю, если бы список Евлия не показывал тождественность (или большую близость) их языка в ту эпоху к языку убыхов, о котором у нас имелось до последнего времени три источника осведомления, тесно связанные один с другим: список из 44 слов, опубликованный ВЕЛЛЕМ в 1840 г. в приложении к его сочинению *Journal of a residence in Circassia during the years 1837—38 and 1839* (ср. цитированный выше комментированный французский перевод L. VIVIEN'а (Paris 1841) t. II, p. 353—354), упомянутая статья Услара «О языке убыхов» (содержащая краткий грамматический очерк, заключающий до 90 слов, из которых до 30 встречается у ВЕЛЛЕМ'я) и наконец краткая заметка А. М. ДИРРА о его поездке в 1913 г. к убыхам, живущим около Исмида на Сапанджа-гöль (см. *Die Stellung des Ubychischen in den nord-westkaukasischen Sprachen* в сборнике *Aufsätze zur Kultur- und Sprachgeschichte vornehmlich des Orients Ernst Kuhn... gewidmet. München 1916*, стр. 413—419), прибавляющая к известным нам словам еще с десяток. Этой цифрой — 100 слов — с незначительным количеством грамматических сведений — исчерпывалось до последнего времени наше знание убыхского языка. Лишь в 1927 году появилась первая часть работы А. М. ДИРРА, *Die Sprache der Ubychen*, излагающей результаты поездки автора к убыхам летом 1913 г., совершенной по командировке

нашей Академии Наук. Здесь на стр. 65—67 изложена история изучения убыхского языка и причины столь длительной задержки в опубликовании добытых заслуженным исследователем сведений об убыхском языке (см. журнал *Caucasica. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus*, fasc. 4, Leipzig, 1927, p. 65—144).¹ С помощью всех вышеперечисленных материалов мы можем без труда расшифровать записи Евлия Челеби (в обеих редакциях) в смысле принадлежности языка Садша-абхазов к убыхскому.

• На первом месте Евлия приводит числительные до 12-ти: weh (Наммер) = و (константиноп. изд.) = один: внося необходимую поправку (و на ز) получаем زه, т. е. ze (Дирр: za, zä). Далее: toka = توقا = (заменяю транскрипцию Дирра, по типографским соображениям, упрощенной аналитической Н. Я. Марра) tḳa = два; sitte = شكه = ше (т. е. شيه?) = три; pali = پلي = флэ = четыре; ashú = آشو = шхэ = пять; korn = قون = fə (? Дирр «фэ») = шесть; ipli = اپلي = блэ = семь; ogha = اوغا = uġa = восемь; ipfi = ايفى = bġi = девять; zú = زو = ʁi = десять; wehzú = وهزو = ʁiza = одиннадцать; tokazú = توقازو = ʁtḳa = двенадцать. Обращает на себя внимание образование чисел второго десятка, совершенно отличное и от известных нам современных убыхских форм, и от черкесских, и от абхазских — в отношении порядка слагаемых: у Евлия на первом месте единицы, на втором десять (ср. с этим замечание Бруна, ук. статья, примеч. 19: «к удивлению моему, из переданных нам Эвлиею эфенди названий чисел оказывается, что в его время Абхазы держались десятичной системы, а не худшей (?) вигезимальной» и проч.). При оценке как этих числительных, так и остальных слов уместно припомнить слова Услара (указ. статья, стр. 82): «Убыхский лексикон включает в себе множество слов адыгских и абхазских, слегка лишь переименованных, и в этот разряд иноязычных слов входят названия для самых обыкновенных понятий, как то, напр.: человек, женщина, лошадь и т. п. Убыхский счет представляет собой странную смесь адыгского с абхазским. Судя по лексическому запасу, можно бы было совершенно отвергнуть существование языка убыхского в виде языка самостоятельного, но самостоятельность его обнаруживается при самом поверхностном даже обзоре грамматических форм его». Слова Услара хорошо передают внешнее впечатление, производимое, действительно, на знающих черкесский и абхазский языки убыхским словарем. Как увидим

¹ Во время печатания статьи мной была получена и отчасти использована и 2-ая часть работы А. М. Дирра (*ibid.* fasc. 5, Leipzig, 1928). Исследование в целом заслуживает специального рассмотрения, независимого от данной темы, что мной и будет сделано в другом месте.

языка: она должна была проходить там, где природные условия провели резкую черту, именно в районе Гагринского хребта, разделяющего кавказское побережье Черного моря на две части — северную, убыхо (= джигето)-черкесскую и южную — абхазо-мегрельскую. Иллюстрированный выше немногими примерами хаос, царящий в специальной литературе по этому вопросу, результат позднейшего сложного процесса скрещения различных этнических факторов, сталкивавшихся на побережьях, приводившего к постепенному вытеснению убыхского языка, сужению сферы его распространения при параллельной этому процессу инфильтрации абхазских и черкесских слов в убыхскую речь. Картина представляемая ныне убыхским языком, как она рисуется по только что вышедшей работе А. М. Дирра, весьма поучительна, но рассматривать ее в данной связи, как сказано уже, не место.¹

Как уже упомянуто, Евлия Челеби приводит, кроме Садша-абхазских слов и фраз, образцы языка «странных и изумительных абазов». В них мы имеем древнейшее свидетельство абхазского языка, хорошо иллюстрирующее достоинства записей любознательного турка, достойного предшественника того анапского сераскира, Хаджи-Хасан-паши, который в начале XIX в. поражал черноморских черкесов своеобразным направлением своего административного внимания на песни и предания народа (см. о нем рассказ Хан-Гирея в Сборнике материалов для описания... Кавказа, т. XVII (Тифлис, 1893), отд. I, стр. 20—27). Евлия приводит здесь числительные до 12 и 28 отдельных слов и выражений (так константинопольск. изд., стр. 109—110; версия Наммер'а обрывается на середине десятого слова). Интерес абхазского материала Е. Челеби двойкий;

¹ Для характеристики абхазского словоупотребления термина *sàdwa* может быть интересен следующий факт: в июне текущего 1928 г. пишущему эти строки пришлось встретить в абхазском селении Чилон (южн. Абхазия) 84-летнего старика, слывшего за джигета (*sàdwa*): в молодости он был привезен в качестве пленника из Джигетии. При расспросе выяснилось, что, сам не зная этого, старик (звали его *dawgəz d̥awgəm*) родным своим языком имел черкесский (именно шапсугское наречие ниже-черкесского языка); хотя и с трудом, он припомнил несколько десятков слов. Итак, мы получаем новый пример переживания термина при изменении реального его содержания (ср. любопытный рассказ Услара, I. с., стр. 80—81, и Люлье, I. с., стр. 180, примеч. 2, о термине Садзен).

Что касается выше приведенных «убыхских» слов *zinje* и *zenī*, неизвестных нам в убыхском языке, то в первом из них мы имеем, очевидно, турецко-перс. *زینجه* в смысле «продажной женщины». Что значит *zenī* остается сомнительным, так как перевод (у Наммер'а) очевидно не точен. Не имеем ли мы здесь дело с *زن* в смысле «жена»? Тогда вся фраза могла бы быть переведена примерно так: «я не привел продажной женщины, а купи (мою) жену». Получаемый смысл приобретает тогда совсем специфический интерес характеристики местных бытовых отношений (слово *زن* мне напоминает Ф. А. Розенберг).

с одной стороны он лишний раз свидетельствует о бóльшей древности бзыбских (северно-абхазских) фонетических норм сравнительно с кодорскими (южно-абхазскими), что явствует из написаний, вроде *اوچی* (турецк. *кит*) = бзыб. *wəʃà* (при кодорск. *wəʃà*), *اوچین* (тур. *кѣме* = бзыб. *wəʃàn*, *ادیش* (читай *ارپش*, тур. *اوغلان*) = бзыб. *àɣəʃ*, *ابحرش* (читай *ابحوش*, тур. *عورت*) = бзыб. *aɸhəʃ* и т. д. (везде в транскрипции Е. Челеби шипящие *چ*, *ش* и т. д. для передачи небных *ʃ*, *ʃ̣* и т. д., характерных для бзыбского наречия); с другой стороны, замечательно отсутствие конечного *t* в глагольных формах так называемого настоящего времени абхазского глагола, напр.: *سیره ازدروی* = *sarà yəzdəɣway(t)* «я знаю», *وخاج قسی* = *wəɣaɸkəsəɣayt* (? в абх. формула вежливого обращения, просьбы, в тур. *جانم کوزم*), *اوره یودروه* (в изд. опечатка *ر* вместо *د*) = *warà yəwdəɣway(t)* «ты знаешь», *آنچر نش* (исправляю ошибку издания в последнем слове: *ر* на *و*) = *anɸarɳəʃ (sic!), àɸʃ(wa), àmla səɸʃwày(t)* «клянусь богом, абхазец, я умираю с голода» (в тур. *قارنم آدر*). Это последнее явление повторяется впоследствии (в XVIII в.) в записях Гюльденштедта, и не может считаться случайным совпадением, а объясняется той особенностью абхазского произношения, при которой конечное, нормально взрывное *t* не имеет полного образования, ограничиваясь имплозией без последующего взрыва (наблюдается нередко и в современном абхазском произношении). Заслуживает быть особенно отмеченной и форма *anɸarɳəʃ*, встречаемая дважды (один раз с опечаткой: *انچرتش*, след. *انچرنش*). В современном абхазском соответствующая формула («клянусь богом») звучит *anɸ'wəɳəʃ*; форма у Е. Челеби сохраняет любопытное переживание восприятия (вполне правильного!) слова *anɸa*, как множ. числа от основы *n(ə)*, откуда *anəɸa* («икона») и др. (ср., впрочем, и в современном абхазском выражение *anɸà gəmzəz* «вина божья»).